

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг–79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Исповедь черного человека
Семейное проклятие
Сердце Бога

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

КОЛЛЕКЦИЯ СТРАХОВ ПРЕТ-А-ПОРТЕ

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } **АННА И СЕРГЕЙ**

ЛИТВИНОВЫ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Коллекция страхов прет-а-порте : роман /
Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо,
2015. — 320 с. — (Знаменитый тандем Россий-
ского детектива).

ISBN 978-5-699-82517-2

Скромная библиотекарьша Надя уже и думать забыла о юной фотомодели Лере, с которой познакомилась в приемной клиники. А та вдруг позвонила и пригласила на свой показ. Только вместо модных нарядов Надя увидела... труп Лериной подружки Сони. Менеджер девушек Марат коршуном набросился на библиотекарьшу и с ходу обвинил в убийстве ее. Но вскоре сменил гнев на милость, когда выгодному иностранному партнеру понадобилась «клуша» как раз Надиного типа — рекламировать собачий корм. Будущая звезда экрана явилась подписывать договор, но в кабинете Марата обнаружилось только бездыханное тело хозяина. Теперь уже за девушку всерьез взялась милиция. Есть от чего прийти в отчаяние! Вся надежда на помощь Димы Полуянова, друга детства, и не только...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-699-82517-2 «Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

Убийство похоже на шампанское. Ударяет в голову, пенится пузырьками страха. А глаза жертвы — умоляющие, растерянные, жалкие — это закуска. Будто серебряная вазочка с черной икрой. Дополняет вкус дорогого напитка. Перехватываешь последний осмысленный взгляд человека — и в желудке сразу разливается приятное тепло.

Ну, и завершающий штрих — это последние слова умирающей девицы. Они заменяют сигару — ведь так естественно закурить после бокала изысканного шампанского...

— За меня отомстят...

Боже, как скучно.

И вот уже дрожит в последней судороге рот, а крашеные алым ногти в отчаянном броске скребут по кафельному полу.

Братся за пульс не надо — очевидно и так: девчонка мертва.

Красавица, идеал, юные дурочки подражают, мужчины возжелают... Видели бы поклонники ее сейчас. С перекошенным в смертной гримасе лицом, в некрасиво задранной юбке, со слетевшей с ноги бархатной туфелькой.

Убивать оказалось куда вкуснее самой элитной выпивки.

И особенно сладко осознавать, что несносная красавица наконец уничтожена. Растоптана. Усмирена. Утихла навсегда.

Месяцем ранее
Лера Летягина

Ей было чем гордиться.

94—61—90. Вот это параметры! Как в любовных романах, как в самых красивых голливудских фильмах. Девчонки завидуют, папики дежурят с розами, а молодые парни — посвящают стихи.

94 — это грудь. Самое то, что надо, — и пышность на уровне, и размер не такой уж большой, чтобы отвисала.

61, на один сантиметр больше, чем положено по канону, — талия. Впрочем, если совсем-совсем не есть ни мороженого, ни конфет — то можно и от проклятого сантиметра избавиться. Но Лера не избавлялась. Повторяла присказку: «Может же у меня быть хотя бы один недостаток?» Да и представить трудно, как обходиться совсем без сладенького.

Ну, а последние 90 — это бедра. Крутые, соблазнительные. И, спасибо тренажерам и массажистке, крепкие, без единой, как сама Лера говорила, *вялостинки*. («Ребенок ты еще, — вздыхала мама. — До сих пор слова придумываешь, как от двух до пяти...»)

Официально Лера и считалась ребенком — училась в десятом классе.

Но титулов на конкурсах красоты уже собрала немало. Пусть не «Мисс Россия» и даже не «Мисс Москва» — но четыре призовых места и один даже Гран-при, пусть и не в самых престижных конкурсах, тоже чего-то стоят.

Тем более когда тебе только шестнадцать. Многим ли девчонкам ее возраста уже надевали короны и дарили корзины, полные орхидей?

Правда, Лерин менеджер, Марат, говорил так: «Объемы и мордаха — вот и все, что у тебя есть. Но без мозгов — красота ничто, а с серым веществом у тебя, детка, беда, вся сила в сиськи ушла...»

Лера послушно соглашалась — с Маратом так проще. Пусть мнит себя хоть кронпринцем, хоть Эйнштейном — а она и на роль овцы согласна. Потому что какой с парнокопытного спрос? Никто и не сомневается, что овца — животное послушное и команды выполняет безропотно. А насчет мозгов... Менеджер хоть и мнит себя умным, а еще не понял, что сила красивой женщины — в ее умении прикинуться глупой.

Так что пусть Марат командует — до поры до времени. Пока она не выйдет на такой уровень, что сможет сама выбирать себе менеджера. А до тех пор — остается лишь безмятежно улыбаться в ответ на бесконечные Маратовы приказы и придирки.

Хотя в чем-то менеджер, конечно, прав. Грудь, талия и бедра — действительно ее главное богатство. А еще — глаза («цвета осеннего моря», это Марат придумал так во всех анкетах писать). Волосы — черные, как ночь на юге. Точеный нос. Роскошная улыбка. В общем, пока ни одного мужчины не встречалось, чтобы пасть не разинул, как ее увидит. Вот и пусть разевают — лишь бы руками не трогали.

Даже мама — а она к дочери относилась еще строже, чем даже деспот Марат, — и то, бывало, расчувствуется: — И в кого ты у меня такая красивая?..

И действительно — в кого? У папы на всех фотокарточках — нос картошкой и глазки-щелочки. Да и в маме — обаяние-то, конечно, есть, а вот красоты — ни на грамм.

«Вдруг меня из детдома взяли?» — иногда фантазировала Лера. И представляла себе: роскошный особняк

со спуском к воде, вышколенных слуг, дорогие лимузины — и себя, маленькую девочку, как часть шикарного интерьера... Может, и правда — у нее происхождение особое, благородное? А потом — с ее настоящими родителями что-то случилось? Что-то красивое, например, взрыв на яхте или катастрофа частного самолета — и сказочная Лерина жизнь закончилась... Хотя, с другой стороны, если ее кровные родители были такие богачи — как она могла оказаться в русском детдоме, откуда ее обыкновенные советские мама и папа удочерили?

Так что, наверно, нужно школьной биологичке поверить, которая говорит, что генетика — наука непредсказуемая. И самые примитивные хромосомы вдруг перемешались так, что на свет явилась она — будущая, как втайне надеялась Лера, *Мисс Вселенная*.

Но пока до этого титула далеко. «Набирайся опыта», — велит Марат. «Сначала школу закончи», — занудствует мама.

Ох, школа, школа, кому она нужна?! Давно пора принять закон: учеба есть личное дело каждого. Вон, толстой Нинке с ее физией только и остается, что в библиотеке сидеть, — так пусть и сидит. А Мишка Тюкин обожает с колбами возиться, все руки в ожогах, и ему это нравится — и вперед, кто бы возражал. Но зачем других-то заставлять? Заучивать кучу невнятных формул, из которых почему-то следует странный вывод, что гипотенуза короче двух катетов. Или читать Достоевского с его заморочками — то какой-то «Мертвый дом», то этот Раскольников сумасшедший, вот уж действительно: тварь дрожащая...

Но только от школы, увы, никуда не деться. Тут уж и мамочка, и Марат слились в едином порыве. Бывает даже, что после вечерних показов — посипуй-ка по подиуму с восемью до полуночи на высоченных шпильках! — и то заставляют наутро в школу идти. И никакими жалобами их не проймешь — а ведь давно доказано, что, если регулярно не высыпаться, морщины могут пойти...

— Рано тебе пока о морщинах думать, — отмахивается маман.

— Получи аттестат, а дальше — свободна, как птица в полете, — клянется Марат. — Только, может, на актерское мастерство тебя устрою...

Актерское мастерство — это ладно. Наверняка поинтересней, чем химия. Научат небось, как улыбнуться загадочней да ногу на ногу перекинуть поэлегантней.

Хотя манеры у нее и без того, как говорит мама, врожденные. И почему-то добавляет: «Наша порода!» Хотя какая там у них порода? По маминой линии — сплошь парикмахеры, причем не очень хорошие: по крайней мере, Марат категорически запретил, чтобы кто-то из родственников ей волосы подравнивал, — сам возит в дорогие салоны. Ну а папина семья — как в старом советском фильме, рабочая династия. О таких, наверно, поэт Некрасов писал: «До смерти работает, до полусмерти пьет». Отец от них давно ушел, и Лера с ним не видится — но почему-то не сомневается: папаша по-прежнему заливает глаза, буянит, швыряет о стену тарелки с чашками, и очень хорошо, что теперь это происходит уже не на их крошечной кухне.

— А у тебя, Лерочка, впереди большая и интересная жизнь, — вздыхает иногда мама.

Интересная — это можно. А вот *большая*, до старости, морщин и пигментных пятен, — совсем не обязательно. Какой интерес ходить на сохлых ножках и пить таблетки от радикулита? По большому счету, жизнь — она только до тридцати. А потом — все заканчивается. Только и останется, как Клавке Шиффер, родить бэбика и погрязнуть в пеленках. Смертная скучища.

Главное — все до тридцатника успеть. В будущем году — попасть в финал конкурса красоты журнала «Космополитэн», еще через год — в «Мисс Москву», а потом — можно и на заграничный уровень выходить. А пока — доводить себя до совершенства, в чем Лера пощады себе не знает: спортивный клуб, каждый вечер — маска,

то для лица, то для волос, то для тела, а еще — тренировать перед зеркалом чарующие улыбки и поклоны перед воображаемыми зрителями. В общем, расслабляться некогда. Жить надо торопиться, как говорил писатель Лермонтов. А то оглянуться не успеешь — и красота увяла, глаза потухли, менеджеры разбежались... И что тогда? Ни показов тебе, ни кастингов, ни восхитительных перепалок, как недавно они с Сонькой Перепелицыной друг на дружку орала из-за того, кому первой вечернее платье от «Живанши» примерять.

И пусть Марат тогда обозвал их «глупыми коровами» и платье вообще отобрал, отдал задаваке Ленке, — а все равно польза: после ссоры, настоящей, с криками и пощечинами, и глаза горят ярче, и щеки безо всяких румян пунцовеют, им тогда даже сам главный спонсор, надутый, словно бутылка с минералкой, аплодировал.

А скоро в жизни и вовсе сплошные приятности начнутся — ведь в следующем месяце их с Сонькой обеих в Италию посылают. В школе, правда, учебный год на излете и полно всяких итоговых контрольных — но *моделям их уровня* позволено жить по особому графику.

Контракт на десять показов в Милане, для известного дома моды, тоже пробил Марат. Долго ругался, что обошлось ему это дорого. Пришлось якобы и ОВИР подмазывать — чтоб паспорта побыстрее справили, и поручительство итальянцам писать — будто бы лично он гарантирует, что Лера с Сонькой там, в Милане, на панель не пойдут, и даже вроде вносить какой-то депозит как гарантию их нравственности.

— Я за вас поручился, козы, — хмуро предупредил менеджер. — Так что посмейте только загулять. Из своих гонораров штрафы платить будете.

— Да врет он все! И... еще... третирует нас, вот! — шепотом просвещала Леру Сонька. — Наоборот: это итальяшки отвалили ему за нас кучу бабок! И гулять в Милане никто нам не запретит. Там знаешь мужики какие, не чета нашим. В кроссовках сроду никто не ходит. Все, как

один, — мафия, в «Гуччи» с «Армани», и волосы гелем укладывают!

Сонька Перепелицына — девчонка ушлая, о чем ни спроси — все знает. И параметры у нее — почти не хуже, чем у самой Леры. Нос только подкачал, с горбинкой, и Марат каждый месяц с ее заработков по сто долларов вычитает — говорит, что откладывает на пластическую операцию и вроде бы в конце лета, когда показов мало, запрет Соньку в клинику, чтоб ей там шнобель подкорректировали.

Сонька из-за носа стесняется и, даже когда они с Лерой кофе пьют, пытается его рукой прикрыть. Но на подругин шнобель Лере плевать — ее другое раздражает: что вокруг Соньки вечно мужики вьются, все, как на подбор, уродские: с брюшком, залысинами и золотыми перстнями. И подруга не только сама их привечает, но еще и пытается «лишних» Лере подсунуть. Так что приходится разгонять. Не потому, конечно, что мужик — это плохо. Просто уровень Сонька выбирает не тот. Уж учит ее Лера, учит: «Потерпи, Сонька, не трать силы на этих уродов! Мы ж скоро совсем другую планку возьмем!» Но разве подругу уговоришь? Она сегодняшним днем живет. Или не верит, что будущее их обеих ждет самое восхитительное...

Лера поклонение сильного пола, конечно, тоже принимала с удовольствием. Но только — поклонение, ну, или, может быть, скромный поцелуй. Застыла, как смеялась Сонька, на «школьном варианте» — когда посвящают поэмы и пишут на стене противоположного дома о том, что она — самая красивая девушка в мире. Хоть все и считают ее овцой — глупышкой, она-то понимает: *чис-тый* продукт ценится куда выше, чем с брачком. Это как в банке: если у тебя кредитная история идеальная, то и ссуду дадут, и любые гарантии. И *купают* в свое время за огромные деньги. А если про тебя, как про Соньку, всем известно, про миллион твоих убогих золотоперстных

папиков, то кому ты нужна, кроме очередного старого да лысого?

И пусть Лере пока не дарили ни шуб, ни золотых колечек, пусть не возили на «Мерседесах» — она не жалела. Скучно, конечно, вечерами с мамашкой перед телевизором сидеть, но есть в ее воздержании и плюсы. Во-первых, никто тобой не командует. А во-вторых — бояться нечего. Ни того, что мужик твой с левой ноги встанет и фингал накануне важного показа организует, ни даже более прозаических вещей. Вон, перед поездкой в Италию надо медосмотр пройти — так Сонька вся извелась. Трясется, что заставят кровь сдавать и врачи в ее анализах найдут какую-нибудь дрянь, из тех, что мужики перетаскивают. А Лере — бояться нечего. Максимум, что доктора обнаружат, — повышенный гемоглобин, потому что она для цвета лица много гранатов ест.

— Скучная ты, Лерка, — морщится Соня.

Может, и скучная. Зато она готова к тому, что ее жизнь будет идти только по восходящей. И что приятных и волнующих событий в ней с каждым днем станет происходить все больше и больше.

Дмитрий Полуянов

Пирожки в редакционном буфете — высший класс. На всю Москву лучше только в историко-архивной библиотеке, где Надька Митрофанова работает. Он набрал целую гору: и с грибами, и с капустой, и с курагой, и с маком. Поставил тарелку на стол, а сам за кофе пошел. Кипяток в заведении посетители наливали собственноручно, из пятиведерного самовара, причем в граненые стаканы. Буфет редакции «Молодежных вестей» являл собой чудом сохранившийся заповедник советскости — однако советскости не нарочитой (как в «Петровиче» или петербургской «Пропаганде»), а самой что ни на есть натуральной.

— Я тему придумал, — сказал Полуянов, подсаживаясь к столику. — Могу подарить.

— Н-ну? — кокетливо пропела юная Кирочка, которую Дима сегодня выманил на обед.

— Составить рейтинг московских пирожков.

Кирочка немедленно задумалась, долго морщила лобик и, наконец, изрекла:

— Пи-ирожки-и?.. Интересно, конечно, но это не по нашему отделу. Я ведь все-таки не ресторанами занимаюсь, а светской жизнью.

— Как это не по вашему?! — с горячностью возразил Дима. И начал на ходу фантазировать: — Шире, Кирочка, надо мыслить. Можно знаешь какую кампанию именно про светскую жизнь забабахать? Допустим, сегодня ты идешь в гости к Маше Мироновой. Она угощает тебя собственноручными пирожками, попутно дает тебе интервью, а под конец вызывает на кулинарное состязание еще одну светскую героиню. Ну, например, Ольгу Познизову. Назавтра ты идешь к Познизовой, та тоже тебя кормит — а потом передает «пирожковую» эстафету Мордюковой... И — полетели! Все выше и выше, до самой Пугачевой, а то и до жены Путина. А?! Каково?

Кирочка насупилась. Кажется, она всерьез обдумывала сделанное в порядке бреда полуяновское предложение. Наконец сказала:

— Да наши звезды все равно никаких пирожков не пекут. Им домработницы готовят.

— Ну, как хочешь, — легко согласился Дима. Он уже сжевал пару пирогов, а Кирочка только булочку с маком общипала. — Да ты ешь, давай, ешь! А то сил на светскую жизнь не останется.

— Что ж, могу. Проблемы с фигурой мне пока не грозят, — с важностью проговорила юная корреспондентша и откусила добрый кусок от булочки.

Полуянов, прищурясь, поглядел на нее через стол. Ведь дура дурой, даже странно, что такую толоконную

деваху в известную газету взяли, и далеко не красавица, и одевается никак — а все равно при взгляде на нее Дима ощущал приятное щекотание внизу живота. Хотелось ему эту Кирочку немедленно завести куда-нибудь в темный угол, и... Магнетизм какой-то.

— Давай, Кирюшка, мы с тобой куда-нибудь сегодня ходим? А то что мы все в буфете да в буфете, — послал пробный шар Дима. — Попьем пивка, я тебе других разных тем напридумываю. Поучу секретам журналистского мастерства...

Последнее предложение прозвучало сугубо двусмысленно.

Кирочка изучающе посмотрела на Полуянова. Загадочно улыбнулась. Соблазнительно облизнула с губ крошки. Но все-таки сказала:

— Сегодня я не могу. Меня редактор на премьеру «Авантюристки» гонит.

Странно, но когда Кирочка «ушла в кусты», Полуянов испытал не разочарование, а облегчение. «Ну, и слава богу. Проблем меньше. Так, на самом деле, уже надоело — сначала нужно распушить перья, затем напавание объекта, уговаривание, потом — при наиболее благоприятном раскладе — возня в постели. И непосредственно после секса, а особенно наутро — разочарование и оттенок стыда, той или иной густоты...»

«Что это со мной? — спохватился Дима. — Старею, что ли?»

— Эх, жаль, что ты занята, — вздохнул он вслух. — А то ведь могла доброе дело сделать. Человека спасти.

Он послал Кирочке загадочный взгляд и закончил:

— Я ведь, к сожалению, тяжело болен.

— Чем?! — испугалась девушка.

— У меня, видишь ли, мидл-лайф-крайзис.

— Как?

— Не волнуйся, это, конечно, болезнь — да не совсем.

Ни воздушно-капельным, ни даже половым путем не

передается. У меня — душевное страдание. Называется «кризис середины жизни». Мне ведь скоро тридцать, знаешь ли...

— Ну и что, что тридцать? Не семьдесят же!

— Как — ну и что? Как — ну и что? Все самое интересное уже позади, и старость не за горами...

— Старость у всех не за горами, — вздохнула двадцатилетняя Кирочка. — И у меня тоже.

— Ну, я, во-первых, старше тебя на целое поколение, ты еще в детский сад ходила, когда я уже Сартра читал, — начал разливаться Полуянов. — А во-вторых, земную жизнь пройдя до половины и осмысляя пройденный путь, начинаешь задумываться.

— О чем?

— О тщетности жизни вообще и собственных усилий в частности.

— Ой, Дим, о чем ты говоришь! Это у тебя-то — тщетность?! Ты ведь такая звезда! Сенсации одну за одной выдаешь. У тебя даже книги выходили!

— А что толку, — вздохнул Дима.

«Байроновский тон иногда удивительно воздействует на девушек. И многие из них обожают протягивать руку помощи, спасать, вдохновлять на подвиги. Иначе как объяснить, что девицы в таких безразмерных количествах сохнут по разным алкашам, наркошам и психам? Может, и Кирочка из породы жалостливых? Из «спасательниц»?»

— Сегодня — сенсация, — чайльдгарольдовски изрек Дима, — завтра — «гвоздь», а жизнь-то проходит...

Хоть и не всерьез произносил он свои сентенции, а чтоб на девушку впечатление произвести, все равно мысли, которыми он сейчас, в полушутейном разговоре, делился с Кирочкой, ему невольно в голову закрадывались — и с каждым днем все чаще. Особенно по ночам.

Дима вспомнил, как он сделал свой «гвоздь» — когда они с Татьяной Садовниковой в переделку на рейсе два-